

Культура народов Арктики и Севера Culturology

УДК 397+913

Бесконечность на льду: полярные исследователи и коренное население во время крушения корабля «Карлак» Роберта Бартлетта

© Ханрахан Мора, доктор наук, глава гуманитарной научной программы, доцент Института экологической политики, Мемориального университета Ньюфаундленда, Канада. Тел.: +1-709-637-2181. E-mail: mhanrahan@grenfell.mun.ca

Благодарность. Я хотела бы поблагодарить Мирон Кинг, Институт экологической политики, Мемори-

альный университет Ньюфаундленда за сделанные ими карты, а также помощь в редактировании текста; Мемориальный университет Ньюфаундленда, Канада, за исследовательский грант и поддержку проекта; Гарри Кранфорда, Лауру Кэмерон и Питера Хайнс из Flanker Press за помощь с фотографиями; Екатерину Котлову и всех связанных с журналом «Арктика и Север»; доктора исторических наук Юкку Нюссонена, Арктический университет Норвегии, который рецензировал первый вариант моей статьи.

Аннотация. В 1913—1918 гг. Канадская Арктическая экспедиция (КАЭ) осуществила попытку расширения канадского суверенитета в Арктике. В ходе КАЭ пошёл ко дну один из кораблей — «Карлак», на борту которого находилась интернациональная группа исследователей, часть её дожидались помощи на острове Врангеля в Северном Ледовитом океане. Пытаясь найти путь к спасению, инупиат Клод Катактовик¹ и капитан «Карлака» Роберт А. Бартлетт преодолели сотни миль по льду от побережья Аляски, а затем прошли через земли чукчей в Сибири. Оттуда Р. Бартлетту удалось организовать спасение людей, оставшихся в живых после крушения «Карлака». Сам Р. Бартлетт считал эти недели, проведённые с Катактовиком и чукчами, иллюстрацией отношений исследователя и коренного местного населения в эпоху освоения Арктики. Коренные жители Арктики часто выступали в роли проводников и помощников исследователей, отношения с которыми носили сугубо иерархический характер. Несмотря на то, что коренное население часто играло ведущую роль в полярных экспедициях, для истории они оставались невидимками, практически исчезнув со страниц полярных

¹ Данное имя часто пишется иначе (обычно как Kataktovik), я использую его также, как Бартлет (3, 4).

дневников и рассказов. Тем не менее, история «Карлака» показывает, что коренные народы могут быть в центре событий, а исследователи в свою очередь способны на эгалитарные отношения с ними.

Ключевые слова: Роберт Абрам Бартлетт, «Карлак», взаимоотношения полярных исследователей и коренного населения, чукчи, инуиты, Арктика, Канадская Арктическая экспедиция

Indefinitely on the Ice: Indigenous—explorer relations in Robert Abram Bartlett's Accounts of the *Karluk* Disaster

© **Hanrahan, Maura.** PhD Chair, Humanities Program & Assistant Professor, Environmental Policy Institute, Grenfell Campus, Memorial University, Corner Brook, Newfoundland & Labrador, Canada. Tel.: +1 709-637-2181. E-mail: mhanrahan@grenfell.mun.ca

Acknowledgments. I would like to thank Myron King, Environmental Policy Institute, Grenfell Campus, Memorial University, Corner Brook, NL, Canada for his map-making and editing skills; Grenfell Campus, Memorial University, Corner Brook, NL, Canada for a research grant to support this project; Garry Cranford, Laura Cameron and Peter Haynes of Flanker Press, St. John's, NL, Canada for their generosity and assistance with historical photographs; Ekaterina Kotlova and all associated with *Arctic and North*; and Dr. Jukka Nyssönen of the Arctic University of Norway who reviewed an earlier draft of the manuscript.

Abstract. In 1913—1918, the Canadian Arctic Expedition (CAE) attempted to advance Canadian sovereignty in the Arctic. During CAE went to the bottom one of the ships, the *Karluk*, carrying the international group of researchers, part of her waiting for assistance to Wrangel Island in the Arctic Ocean. With the Alaskan Inupiaq Claude Kataktovick, Robert Abram Bartlett, captain of the *Karluk*, trekked hundreds of miles over rough ice to and then through Chukchi territory in Siberia. From there, Bartlett was able to mount a rescue of the remaining *Karluk* survivors. Bartlett's accounts of his weeks with Kataktovick and the Chukchi serve as a case study of explorer-Indigenous relations in the era of exploration. The Indigenous people of the Arctic were subject to explorers in a hierarchical relationship built around supporting exploration. Despite their often central and sometimes life-saving roles, as actors, Indigenous people are generally invisible in polar narratives. Yet the story of the *Karluk* demonstrates that, even within the constraints of this context, Indigenous people could emerge as central agents and explorers could move towards more egalitarian relations with Indigenous people.

Keywords: Robert Abram Bartlett, Karluk, Indigenous—explorer relations, Chukchi, Inupiat, Arctic exploration, Canadian Arctic Expedition

Введение: общий взгляд на события

Основой настоящей статьи стали заметки Роберта Абрама Бартлетта, а именно его рассказ 1916 года «Последнее путешествие «Карлака»² и мемуары 1926 года «Заметки Боба

Рисунок 1. «Карлак», пробивающий себе путь через арктические льды в августе 1913. Предоставлено Flanker Press (Национальный архив Канады [PA74047] и Исторической Ассоциацией Ньюфаундленда и Лабрадора).

Р. Бартлетта», которые позволили автору проанализировать отношения между полярниками и коренными народами в процессе проведения полярных исследований. Кроме того, при подготовке статьи использовались результаты первичных исследований в различных архивах и библиотеках Канады, Соединенных Штатов и Великобритании³. Заметки Р. Бартлетта не могут ставить нам целостную и правдивую картину происшедших много лет назад событий. Причиной тому индивидуальные различия и прочие обстоятельства. Но имя и место Р. Бартлетта находится в одном ряду с другими исследователями, защитниками амбиций своих государств, такими как Фритъоф Нансен, Роберт Скотт, Эрнест и Эдвард Шеклтоны, а также Руаль Амундсен. Р. Бартлетт в течение нескольких недель оказался вынужденно погруженным в чукотскую культуру, когда пытался срочно организовать спасение своей команды,

выжившей после крушения судна «Карлак». Опытный исследователь провёл длительное время в компании молодого инупиака Клода Катактовика во время перехода от острова Врангеля до побережья Сибири. Раз-

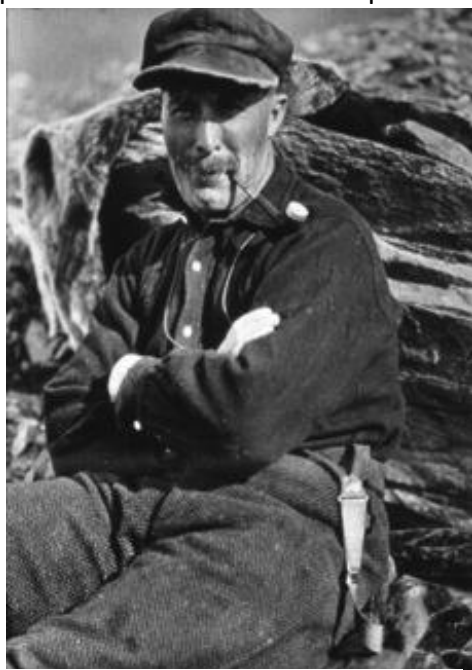
² Книга Р. Бартлетта о судьбах экспедиции на «Карлуке» была издана в 1936 году в Ленинграде издательством Главсевморпути. Является естественным дополнением работы Вильялмура Стефанссона «Гостеприимная Арктика», в которой подробно рассказывается о «Канадской арктической экспедиции 1913—1918 гг.», частью которой была экспедиция на «Карлуке». URL: <http://book.tr200.net/v.php?id=4777826> (дата обращения: 10.07.2015). — *Примечание редакции журнала.*

³ Включая такие источники как: the Bartlett Papers, Special Collections, Bowdoin College, Brunswick, Maine, US; the Scott-Polar Research Institute, University of Cambridge, UK; the National Maritime Museum, Greenwich, UK; the Canadian Museum of History, Gatineau, Quebec, Canada; the Rooms Provincial Archives of Newfoundland and Labrador, St. John's, NL, Canada; the Centre for Newfoundland Studies, Queen Elizabeth II Library, Memorial University, St. John's, NL, Canada; и the Historic Sites Association of Newfoundland and Labrador, St. John's, NL, Canada.

нообразные источники свидетельствуют о том, что Р. Бартлетт оставался приверженцем иерархической идеологии национального строительства и действовал таким образом, чтобы воспроизвести данную культуру в отношении с коренными народами, их роль в его миссии. В своей работе Р. Бартлетт придерживается иерархических взаимоотношений с коренными жителями, называя их «местными помощниками», подчинёнными воле белого человека. Однако, щедрость чукчей, мужество и смелость Клода Катаковика в тяжелейших обстоятельствах, с которыми пришлось столкнуться выжившим с «Карлака», позволяет назвать коренные народы ключевыми акторами тех событий. Кроме того, с точки зрения многолетних отношений коренного населения и полярных исследователей, история «Карлака» стала примером подлинной человечности и храбрости.

Канадская Арктическая экспедиция

«Карлак» был частью Канадской Арктической экспедиций 1913—1918 гг., в то время крупнейшей в истории научной миссии Канады в Арктике [1]. Экспедиция была международной и проводилась совместно с представителями Австралии, Эстонии, Португалии, Норвегии, Новой Зеландии, Нидерландов, Шотландии, Канады и США [2]. Для канадского правительства она стала первой в Западной части Арктики [1], нацеленной на расширение

суверенитета. Канадская Арктическая экспедиция состояла из видных учёных, специалистов в разных областях, включая топографа Бьярне Мамена (22 года), метеоролога Уильяма Мак-Кинли (24 года), геолога Джорджа Маллоку (33 года) и антропологов Анри Бейджа (34 года) и Даймонд Дженнесс (27 лет) [3, с.11]. Некоторым из них, к сожалению, не удалось выжить во время экспедиции. Кроме учёных, на борту находилось 13 членов экипажа, местный охотник и швея и их дети — Хелен и Магпи. В экспедиции также участвовал и Клод Катаковик (19 лет), который также был охотником [4]. Экспедицию организовал харизматичный исландско-канадский антрополог Вильялмур Стефанссон, который считал, что отправляется на поиски северного континента, который часто называли термином «Теоретическая Земля», вслед за Р.Г. Харрисом, американским математиком, занимавшимся бере-

Рисунок 2. Капитан Роберт Бартлетт, Экспедиция Пири, 1909, за 5 лет до Канадской Арктической Экспедиции. Предоставлена Flanker Press (Арктический музей Пири/Мак Милана и Историческая Ассоциация Ньюфаундленда и Лабрадора).

тическая Земля», вслед за Р.Г. Харрисом, американским математиком, занимавшимся бере-

говой и геодезической съёмкой [3, с. 8]. Экспедиция была разделена на две группы, каждая со своим собственным мандатом. Северная группа должна была быть на Аляске и заниматься поиском новых земель, в то время как южная группа на борту «Карлака» во главе с Робертом Бартлеттом (39 лет) должна была обследовать канадские арктические острова.

КАЭ была предназначена для расширения арктического суверенитета и территориальных амбиций Канады. Она стала практической реализацией наследия, доставшегося от британского колониализма⁴, глубоко укоренившегося империализма западных стран, который, по сути, являлся «не только набором экономических, политических и военных мероприятий, но и комплексной идеологией, широко распространённой в культурном, интеллектуальном и научно-техническом пространстве» [5, с. 23]. Таким образом, по словам Линды Смит, «имперское воображение позволило европейским странам представить возможность того, что новые миры, новые богатства и новые владения существуют и могут быть обнаружены и подчинены» [5, с. 23]. Теоретическая земля, по мнению *Ottawa Journal*, могла быть домом для растительности, животных, полезных ископаемых, и «даже других людей с их привычками, обычаями и верованиями, которые будут исключительно интересны для всех» [6, с. 13]. «Открытия» и научная деятельность были инструментами колониализма. В этом контексте, коренные народы стали объектами открытия. Когда новизна их открытия стерлась, как в случае с инупитами не задолго до КАЭ, коренные народы стали частью инфраструктуры разведки, так же, как корабли, пеммикан или охотничьи ружья, необходимые для выживания; они подчинялись приказам исследователей, а часто и их капризам. Таким образом, коренные народы были обезличены, а Арктика преобразована из их дома в научную лабораторию, место сбора количественных данных, проявления империалистического импульса, так необходимо для масштабного колониального проекта. Между тем, исследователи кажутся нам облагороженными⁵ и мотивированными, говоря словами Амундсена, «чистым идеализмом» [7, с. 127]. Однако, КАЭ с огромным числом учёных, воодушевлённых задачей открытия, олицетворяет ничто иное, как «освоение» местности.

Рассматривая историю полярных исследований, нельзя упускать и гендерный аспект. В западной культуре освоение северных территорий, подталкиваемое империализмом, привело к тому, что Арктика стала маскулинизированной, сделав жительниц этих территорий невидимыми, хотя их вклад в освоение северных и арктических территории был

⁴ Канадский суверенитет над Арктикой является приоритетным направлением для Канадского консервативного правительства. Премьер-министр С. Харпер совершал ежегодные летние поездки в этот регион, демонстрируя его принадлежность к государству.

⁵ Иногда буквально, например, когда Эрнест Шеклтон был посвящён в рыцари королем Эдуардом VII.

значительным, а работа важной для выживания полярных исследователей. Так, Виктория Рознер объясняет: «...великая героическая традиция полярных исследований определяет полярные регионы, пространства как завоёванные мужчинами, их благородством и страданиями» [8, с. 491]. Это возможно, только если непредсказуемая и опасная Арктика, как подчёркивает Р. Бартлетт, рассматривается как «территория без женщин». Они редко появляются в повествованиях исследователей, несмотря на вклад женского коренного населения в исследование Арктики. Эрнест Шеклтон, например, отверг всех женщин-претендентов на участие в его экспедициях в Антарктику [8, с. 490]. Концепция Арктики, свободной от женщин, представляет собой «желаемые фантазии, а не практическую реальность» [8, с. 491], но это создаёт представление об идеальном исследовательском пространстве для мужчин-учёных, а также имидж неоткрытых территорий для амбициозных мужчин-исследователей. Эти люди, в том числе Р. Бартлетт, по сути были незваными гостями и не имели законного право на Арктику, хотя их претензии и были узаконены комплексной идеологией империализма.

Ньюфаундленд. История Р. Бартлетта

Роберт Абрам Бартлетт родился в местечке Бригас, Ньюфаундленд в августе 1875 года в знатной семье. Полярные исследователи обычно чувствовали себя комфортно в рамках своей страны и культуры, но отчаянно жаждали отправиться в Арктику, являясь людьми, которые «гордятся своей родиной, нацией и культурой» [9, с. 96]. Данное утверждение было справедливо и для Р. Бартлетта, который в действительности был отражением своего окружения и идеально подходил для работы исследователя. Его двоюродный дядя, капитан Джон Р. Бартлетт сопровождал американского доктора Исаака Израиля Хэйеса к Чертову пальцу в заливе Мэлвилла, Гренландия [10, с. 30]. Джон был «одним из самых успешных охотников на тюленей», его добычей, в среднем, были более 69 000 шкур тюленей ежегодно с 1839 по 1862 гг. [10, с. 189]. Капитан Джон когда-то потерял 24 из 40 человек команды корабля «Дирхаунд», которая была с ним на промысле в небольших лодках [11, с. 30]. Однако, стоицизм, присущий морской промысловой культуре Ньюфаундленда, заставил оставшихся в живых вернуться к работе уже на следующий день после трагических событий. В некрологе другого дяди Боба — Сэма написано: «капитан Самуэль Р. Бартлетт был из семьи известных парусных мастеров Ньюфаундленда, которые уже давно ассоциируются с Арктикой... и сделали на этом себе имя» [2, с. 436]. Самуэль Р. Бартлетт работал над парусами таких кораблей как: «Диана» в 1899 году, «Виндворд» в 1900—1901, «Эрик» в 1905 и 1908 годах, а также «Джини» следующем году — все эти суда побывали в Арктике [2, с. 436].

Предвосхищая путешествие племянника на «Карлаке», Сэм был шкипером на «Нептуне» во время Канадской государственной экспедиции в Гудзонский залив в 1903—1904 [13, с. 383]. Это путешествие расширило канадский суверенитет в Арктике, способствовало созданию первых канадских государственных систем таможенного контроля на островах восточной Арктики. «Нептун» принял участие в борьбе за остров Элсмир, инициированной королем Эдуардом VII, который возглавлял государство в то время. Боб Бартлетт сменил Сэма, когда тот отказался сопровождать Р. Пири в Арктику в 1904 году и впоследствии стал первым капитаном, который отправился к северу от 88°с.ш. [14, с. 130].

Тёзка и племянник капитана Джона, Джон Р. Бартлетт, дядя Боба, выступал в качестве проводника на корабле Роберта Пири, прежде чем передать эстафету другим Р. Бартлеттам. Джон, написал Боб, был «первым Р. Бартлеттом, который решился сунуть нос за полярный круг. Рассказы о его путешествиях среди льдов заложили основу для моей собственной любви к полярным исследованиям, которым я посвятил столько лет своей жизни» [11, с. 48]. Джон научил Р. Бартлетта навигации через дейфующий лёд на корабле «Винвард», кроме того, они с Р. Пири и научили его как правильно оценивать расстояния в море. В 1866 году, Джон Р. Бартлетт стал первым из Ньюфаундленда, кто получил диплом магистра в Лондоне [15]. Дядя Боба, Генри (Гарри) Р. Бартлетт, был единственным в семье, кто погиб в море, он был на севере несколько раз вместе с Р. Пири. Гарри Р. Бартлетт был амбициозен. Жена Р. Пири, Жозефина, писала о нем: «(Гарри) был полон решимости побить рекорд в пересечении морских пространств — тридцать шесть часов — во время его первого плавания в арктических регионах» [16, с. 214]... и он сделал это, достигнув залива Мелвилла менее чем за 25 часов [16, с. 214]. Боб Бартлетт был вместе с Р.Пири на борту «Рузвельта», когда тот утверждал, что достиг Северного полюса.

Местечко Бригас само по себе сыграло важную роль в жизни многих моряков, рыбаков и капитанов, помимо Р. Бартлеттов. К середине 1700-х годов, более 66 кораблей покидали Бригас ежегодно с целью охоты на тюленей, на некоторых из них шкиперами были предки Боба [17]. Родиться в таком месте уже изначально означало то, что Р. А. Бартлетт станет успешен именно в морском деле и сможет сделать себе карьеру арктического мореплавателя, особенно во время плавания «Карлака». Бригас и семья Бартлеттов, в частности, были теми инструментами, которые воспроизводили идеологию исследования, заставлявшую мужчин участвовать в освоении Арктики, открывать и коммерциализировать новые пространства.

Утренняя метель 1 августа 1913 стала предвестием катастрофы. «Карлак» находился в водах Аляски, к югу от мыса Барроу [18, с. 4]. Р. А. Бартлетт и его команда увидели скопление морского льда в районе мыса, который превращался в сплошную ледяную гладь на востоке. Р. А. Бартлетт предложил вернуться к югу, но Стефансон настаивал на продолжении маршрута [18, с. 4]. Неожиданно Р. А. Бартлетт увидел белого медведя, которого посчитал «сигналом будущей катастрофы»: «я больше, чем когда-либо верю в знаки», — написал он [19, с. 228], чувствуя то, что Катиктовик и коренные сибиряки позже, скорее всего, поймут. К 12 августа «Карлак» застрял во льдах; на следующий день он был на мели [18, с. 4]. Это станет, как пишет Р. А. Бартлетт, «самым трагическим и злополучным плаванием во всей моей карьере» [11, с. 227]. Под напором течения, корабль дрейфовал, пока не оказался к северу от Аляски. Она иногда была в пределах видимости, но корабль оказался к северу от острова Врангеля. 10 января лёд проделал отверстие в корпусе «Карлака», и Р. Бартлетт отдал приказ покинуть корабль. Он затонул на следующий день. Пока корабль окончательно не пошёл ко дну, Боб Бартлетт сидел в капитанской каюте, играя «Похоронный марш» Шопена на виктроле.

Рис. 3. Маршрут экспедиции «Карлака». Особые точки на карте: остров Врангеля (Россия), где выжившие разбили лагерь, и мыс Надежды (Аляска), родные места Клода Катактовика.

К счастью, экипаж уже готовил лагерь на льду, перед тем, как стало известно о затоплении корабля. Р. Бартлетт сказал, что они останутся в нем до февраля, а когда в Арктике полярная ночь станет уменьшаться, они получат возможность передвигаться по льду и доберутся до

Арктика и Север. 2015. № 20

о. Врангеля в дневное время. Четверо из тех, кто был на «Карлаке» — в том числе врач Алистер Маккей, учёные Анри Бейджа и Джеймс Мюррей согласились с планом Р. Бартлетта и не отправились в январе в путешествие до материка, которого никогда не видели. Есть ещё один момент в этой ситуации, который подчеркнул шаткость сложившегося положения: четыре члена экипажа погибли, когда они оказались в ловушке на о. Геральд при попытке собрать провиант для планируемой поездки. Стефанссона к тому времени уже давно не было, он ушёл с корабля, прихватив охотничье снаряжение и сказав, что это будет 10-дневная охота; после чего корабль дрейфовал несколько дней, но найти его так и не смогли [20, 6, 21].

Остров Врангеля, Россия

Российский остров Врангеля был назван в честь Фердинанда фон Врангеля, который возглавлял экспедицию в эти места в 1820-х годах. На острове расположены горные хребты, простирающиеся более чем на 80 километров от одного конца острова до другого; на юге есть прибрежные низменности, на севере — тундра [22, с. 357]. Некоторые из горных вершин достигают 2500 футов, растительности на острове мало, его часто посещают полярные медведи зимой, а птицы — весной и летом [18, с. 18]. Остров был необитаем в 1914 году, но к счастью для оставшихся в живых, им удалось найти огромное количество дрейфующей древесины, выброшенной на берег [18, с. 18]. 12 марта, после прогулки на 100 миль, остальные 17 выживших с корабля «Карлак» достигли острова Врангеля. Роберт Бартлетт намеревался идти дальше в Сибирь, но понял, что это невозможно, учитывая условия, размер группы и неопытность большинства её членов. Те, кто в итоге останутся в лагере на острове, будут страдать от голода и болезней, что приведёт к дальнейшим трагедиям.

Аляска, США

Коренные жители, участвовавшие в экспедициях и освоении северных территорий, часто остаются неизвестными. Они превращаются в инфраструктуру, которая поддерживает исследователей, служит достижению их цели и способствует их работе. Хотя есть и исключения, такие, как Ада Блэкджек (23 года), чья история описана в книге Дженнифер Нивен. Однако, чаще всего, полярная литература уделяет скудное внимание роли «местных помощников», таких как Каралюк — охотник и Кирук — его жена-швея, нанятые для КАЭ. Полярники и учёные воспринимали представителей коренных народов, работавших на их, как должное, хотя, именно их навыки зачатую позволяли им выжить. Данное утверждение справедливо и в отношении Клода Катактовика, который сопровождал Р. Бартлетта во время его перехода по льду от острова Врангеля до побережья Сибири. К счастью, заметки Р. Бартлетта и других

участников КАЭ содержат некоторую информацию о нем, а также историю его участия в спасении команды. Особенно детально он описан в книге Р. Бартлетта 1916 г. [20]. В этой же книге представлено достаточно много информации о встречах исследователя и его общении с чукчами. Всё это позволяет нам провести исследование отношений между коренным населением и учёными применительно к 1914 году. Именно чукчи и Катактовик стали центральными фигурами в нашем описании. В проанализированных нами материалах коренные народы видятся ближе к центральной сцене, чем в большинстве других источников. Клод Катактовик, в частности, предстаёт перед нами как личность, что редко встречается в текстах, написанных полярными исследователями. Более полное понимание роли Катактовика, чукчей и исторического контекста стало возможным при использовании современной научной литературы о Сибири, Аляске, коренных народах, а также других записей Р. Бартлетта.

Рис. 4. Каралюк, Кирук и их дети Хелен, около 11 лет, и Магпи. Инупиаты были наняты, чтобы охотиться и шить одежду для команды «Карлака». Предоставлено Flanker Press (национальный Архив Канады [С70806] и Историческая Ассоциация Ньюфаундленда и Лабрадора)

Катактовик был инупиатом (иногда пишется Iñupiat)⁶, инупиаты — во множественном числе с инупиак — в единственном [23]. Инупиаты жили и живут на побережье Аляски и являются одной из подгрупп эскимосской народности, населяющей приполярные территории. Инупиаты живут в построенных из дерева домах, которые частично находятся под землёй [24]. Катактовик провел большую часть своей жизни в таких условиях. Он был родом из Пойнт-Хоуп, что на севере Аляски, США. Жил в традиционном доме, построенном для одной или двух семей количеством от восьми до двенадцати человек. Такие дома строили вокруг другого крупного здания, «гарги», которое служило в качестве главного дома [25, с. 26]. Инупиаты создали свою экономику и общественную жизнь вокруг промысла гренландского кита, огромного млекопитающего, чей вес нередко достигал 10 000 кг [25, с. 32]. Китобойный промысел

⁶ Кроме того, есть еще региональные варианты у различных групп эскимосов, но все эскимосы — наследники Туле и их сообществ, которые появились более 1000 лет назад [13, с. 32].

был организован в бригады, которые охотились с «умиаков», относительно больших лодок, под руководством «умиаликс», которые владели лодками и оборудованием, исполняли ритуалы и имели значительное социальное и экономическое могущество в сообществе путём распределения ресурсов, в том числе китового мяса и других товаров [25, с. 32]. У инупиатов была хорошо развитая социальная иерархия, а само сообщество оставалось «относительно стабильным» почти тысячелетия [25, с. 31]. Будучи социализированными в жёстко иерархическое сообщество, инупиаты воспринимали систему взаимоотношений с арктическими исследователями, как нечто привычное.

Предки Клода Катактовика не были свидетелями каких-либо больших изменений в их жизни или жизни из сообщества. Что же касается самого Катактовика, перемены не были для него чем-то необычным в силу того, что он родился во времена «великого перехода». Три глубоких изменения, которые происходили в то время, были взаимосвязаны и имели огромное влияние на коренные народы Аляски: упадок экономики, основанной на промысле гренландского кита; появление европейских болезней, которые перерастали в эпидемии и распространение христианства. Клод Катактовик родился около 1895 года, когда гренландский кит практически исчез по причине американского китобойного промысла, начавшегося в 1850-х годах и принявшего значительные масштабы к 1880 году [24, с. 90]. Китобойный промысел постепенно исчезает, одновременно с этим популяция карибу была «вся уничтожена самими инупиатами и впервые появились эпидемические заболевания» [24, с.90]. Берч объясняет это следующим образом: «Результатом этих событий стало уменьшение населения. Потеря населения, в свою очередь, уничтожила политическую основу традиционной социальной системы потому, что стало недостаточно людей для её воспроизводства» [24, с. 90]. Всё это, конечно, повлияло на восприимчивость инупиаков к христианству. Как далее пишет Берч: «В 1890 году там, вероятно, не было и одного христианина. 20 лет спустя едва ли был инупиат, который не был христианином» [24, с. 81]. Христианство укоренилось в жизни Клода Катактовика, в его семье, преобразуя её. В то время как общество инупиатов находилось в состоянии трансформации, христианство было чем-то новым, а сам Катактовик стал непосредственным участником формирования «эскимосского христианства». Одним из примеров, свидетельствующим о сохранении культуры инупиатов была боязнь коренных народов Сибири, о которых Катактовик узнал от своих родителей, бабушек и дедушек, которые, возможно, рассказывали ему истории войн между арктическими народами. Учитывая многочисленные изменения, которые происходили после 1000 лет относительной стабиль-

ности, детство Катактовика было напряжённым, даже травматичным, в отличие от Р. Бартлетта, чьё детство представляется стабильным и благополучным в его мемуарах [11].

Катактовик и Бартлетт отправляются в Сибирь

Из заметок Р. Бартлетта мы знаем, что Катактовик овдовел, хотя и был ещё подростком, а также оставил свою дочь с матерью, чтобы работать для Канадской Арктической экспедиции. Таким образом, он пережил личную трагедию [26, с.19]. Интересно, что Катактовик мог читать и писать, и Р. Бартлетт часто одалживал ему книги и журналы, учил его читать навигационные карты. Р. Бартлетт также давал ему пустые блокноты для письма и размышлял, со ссылкой на Р. Пири, что инуиты не должны стать «зависимыми от белого человека и методов его жизни», «что бы сказал Пири?» [26, с. 60, с.179]. Здесь действия Р. Бартлетта совсем не похожи на Р. Пири. Тем не менее, его замечания отражают мнения многих исследователей о коренных народах, которые фиксируются в момент неизменного, вне исторического контекста и коренятся в идеологии империализма, а также исследовательского подхода, который представляет коренное население в качестве его субъекта.

Инупиатский язык Р. Бартлетта был на начальном уровне, также как и английский язык Катактовика и, они, казалось, говорили на смеси обоих языков. К тому времени, как затонул «Карлак», Р. Бартлетт почти не пишет о Катактовике, но много раз упоминает членов экипажа и учёных. Последнее путешествие «Карлака» и другие события, произошедшие в этот период, демонстрируют изобретательность и лидерские навыки молодого инупиата. Неделями он работает над прокладыванием маршрута вместе с Р. Бартлеттом, а иногда совместная работа и переживания подпитывают уверенность капитана в Катактовике. В результате совместной работы Р. Бартлетт решил, как спастись: «Катактовик был со мной. У него был достаточно большой опыт путешествий через ледяные просторы, он привык к Арктике настолько, чтобы знать, как заботиться о себе в постоянно повторяющихся чрезвычайных ситуациях, которые угрожают путешественнику накануне смены поверхности морского льда» [26, с. 152]. Изначально он планировал взять с собой норвежского топографа, участника экспедиции, но тот вывихнул колено. Кроме того, Р. Бартлетт был впечатлён навыками Катактовика, и между ними было взаимопонимание.

Глава 19 книги «*Последнее путешествие*» под названием «Катактовик и я отправляемся в Сибирь» свидетельствует об уважении Р. Бартлетта к Катактовику и более эгалитарный характер их взаимоотношений [26, с. 158]. Однако они не были равноправными. Р. Бартлетт был почти в два раза старше и мог бы быть отцом Катактовика. Он был капитаном, известным исследователем, который помогал в навигации Р. Пири, и он был белым. Другими

словами, иерархия «исследователь — коренное население» была естественным следствием этих взаимоотношений. Таким образом, Р. Бартлетт часто говорил Катактовичу что делать, вплоть до того, как принести из саней необходимый инвентарь в Чукотское жилище после того как они, наконец, смогли достичь Сибири. Может показаться, что это неприемлемо для современного человека, но в те времена это было типичное поведение, формируемое в контексте экспедиции и характерное для отношений исследователь-коренной житель.

Р. Бартлетт «знал о Сибири столько же, сколько знал о Марсе», но верил, что «туземцы» помогут [20, с. 154]. А пока они путешествовали, лёд постоянно перемещался, снег был кругом, а солнечного света практически не было. Снег был глубоким и мягким, что делало его труднопроходимым для собак и саней, а также двух мужчин на снегоступах. Санки сломались, их ремонт стал причиной задержки. Собаки прогрызли поводья и убежали, а Р. Бартлетт и Катактовик, теряя драгоценное время и энергию, пытались поймать их. У них не было времени, чтобы как следует приготовить пойманного медведя, и они съели его так.

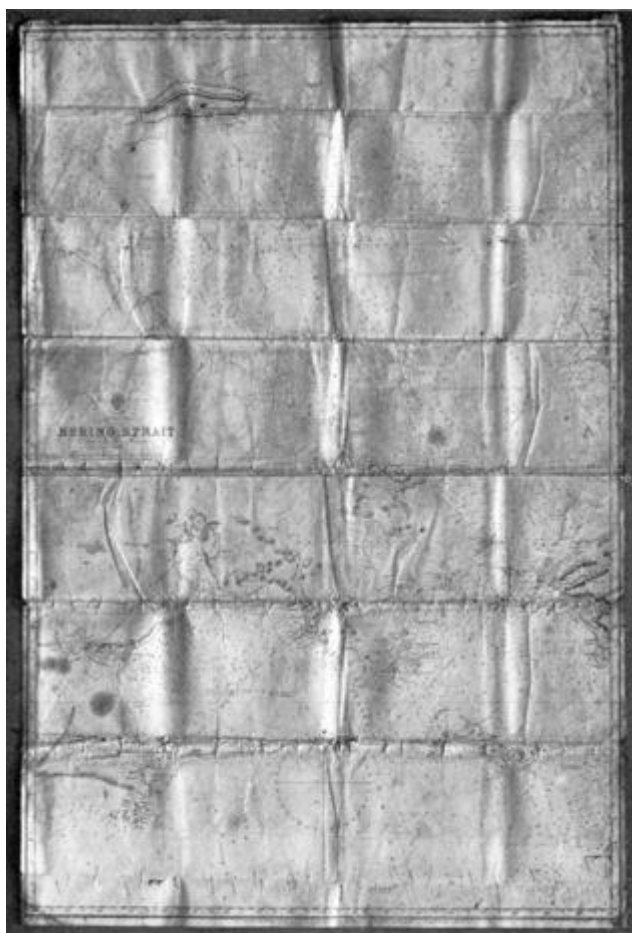

Рис. 5. Карта побережья Сибири и Берингова пролива, сделанная Р. А. Бартлеттом (Предоставлена Flanker-Press)

Опасности диктовали необходимость постоянного принятия решений, еда для собак должна была тщательно контролироваться, чтобы они не переждали и не становились вялыми. Однажды ночью ветер сорвал верхушку их иглу. У Бартлетта была ноющая боль в левом глазу, которая иногда обострялась. «Это была медленная работа», написал он лаконично [20, с. 190]. Катактовик впал в депрессию и говорил Р. Бартлетту: «Мы не увидим земли. Мы не выйдем на землю. Моя мать, мой отец рассказывали мне, что эскимосы, вышедшие на лед и ушедшие от мыса Барроу, никогда не возвращались» [20, с. 195]. После трёх недель борьбы, Р. Бартлетту стало легче, и тогда Катактовик неожиданно закричал: «Я вижу её, я могу видеть её [землю]!» [20, с. 179]. К тому времени они достигли Во-

сточного мыса. 37 дней прошло с тех пор, как они покинули своих товарищей и преодолели 700 миль, большинство из них пешком [3, с. 232—233]. Как Р. Бартлетт позже рассказывал о

своём сибирском путешествии: «Катактовик был со мной, мы построили наши иглу и убили тюленя и медведя... Эскимос и белый человек могут бесконечно жить на льду» [20, с. 204].

Контакты с местным чукотским населением Сибири

Катактовик боялся коренных народов Сибири, поэтому Р. Бартлетт всячески убеждал его продолжать путь и встретиться с ними. Р. Бартлетт писал, что Катактовик «был уверен, что они собираются убить его. Он сказал мне, что это — традиция его собственного народа, что [сибиряки] были кровожадным народом» [11, с. 244]. Р. Бартлетт знал, что необходимо сотрудничество и присутствие инупиата, его стратегия была в том, чтобы игнорировать опасения Катактовика, не придавая им никакого значения. Он также пытался апеллировать к вредной привычке Катактовика и молодой человек согласился идти дальше только тогда, когда Р. Бартлетт сказал ему, что он получит табак от коренных сибиряков [11]. Страхи Катактовика были основаны на традиционной мудрости, согласно которой коренные сибиряки были опасны и жестоки. Такая точка зрения появилась из-за истории о войне в районе Берингова пролива и случаях конфликтов на почве экономики, зафиксированных в XVIII и начале XIX веков [27, с. 52]⁷.

Р. Бартлетт первым пошел на контакт с чукчами, Катактовик очень боялся, а в итоге ни одна из сторон не поняла языка другого. Как выразился Р. Бартлетт, «они не знали моего языка, а я их» [20, с. 191]. Их первую встречу, он описал так: «...я протянул руку и подошел к ним, говоря по-английски, «как поживаете?» Они сразу же бросились к нам, схватили нас за руки, болтали что-то и сильно волновались» [20, с. 191]. Один из местных использовал морской термин «старик», вызвавший недоумение у Бартелла: «Его вопрос меня озадачил сначала и, тут меня осенило, что он использовал морскую терминологию и хотел узнать, был ли я капитаном. «Да», — ответил я. «Вы проходите ниже в мою каюту, старик», — сказал он, имея в виду, что я должен был пойти в его жилище» [20, с. 203]. Выяснилось, что этот мужчина знал и другие элементарные слова на английском языке; в самом деле, он понял про «хорошую сделку», о которой сказал ему [Р. Бартлетт]» [20, с. 204]. Кроме того, он знал некоторые слова из родного языка Катактовика. Вероятно, это свидетельствует не только об ограниченном знании языка, но и о наличии торговых жаргонов, а также их использовании в районе Берингова пролива как результата взаимодействия с американскими китобоями в основном из Новой Англии, начиная с 1846 г. [28, с. 53]. Чукотский язык заимствовал некоторые английские слова, связанные с материальной культурой, особенно с продуктами пита-

⁷ В 1881 американский исследователь Уильям Хейли Далль утверждал, что инуиты Берингова пролива «не ладят друг с другом и что они хранят «взаимное презрение друг к другу» [9, с. 867].

ния [28, с. 58]. Р. Бартлетт не записывал эти слова и опирался больше на общение при помощи бумаги: «Рисую деревья и оленей на графике, я обнаружил, что мог бы дать им понять, что я хотел бы знать; затем их маркировки на том же графике показали мне, что сделали они, во время охоты на оленей» [20, с. 195]. Р. Бартлетт вёл дневник, в котором отмечал, что он «изучал» людей: «Я, конечно, не мечтал собрать всю информацию об этих людях от первых же представителей, которых я повстречал, и даже не был уверен, что они были типичным примером своей группы, и всё же я всё больше изучал их, их обычаи, особенно пиршества по случаю появления чужестранцев» [20, с. 196]. Чукчам было интересно знать, откуда их гости, и они дали это понять при помощи рук. В ответ Р. Бартлетт взял свои карты и показал им остров Врангеля, объясняя, насколько это возможно, беспокойство о выживших участниках экспедиции, оставшихся недалеко от затонувшего «Карлака».

Чукотское жилище было сделано из коряг и шкур, и местные жители предложили одно из них своим гостям. Р. Бартлетт описал эти жилища в своих заметках: «Сибирские эскимосы, или чукчи, так они себя называют, ничего не знают о снежных иглу, или как их строить. Их дом, как я узнал, называется *яранга*. Фундамент делается из тяжелой коряги, а далее — сооружение с куполообразной крышей из молодых саженьцев. Всё это затягивают шкурами моржей, обвязывают веревками, которые проходят через крышу и крепятся тяжёлыми камнями к земле на противоположных сторонах. Внутренняя часть жилища — размером примерно семь—десять футов; она отделена занавеской от внешней части, где хранятся сани и оборудование» [20, с. 192]. Согласно Р. Бартлетту, в одной яранге было до трёх ламп, работающих на жире тюленя или моржа; жилища были не вентилируемые, в результате, было жарко внутри, около 100 градусов, в то время как снаружи было -50°C : «холодно было снаружи, воздух внутри был очень тёплым, слишком тёплым для комфорта...» [20, с. 204]. Внутри былолюдно и сильно накурено, Р. Бартлетту было трудно находиться там. Добавьте ко всему этому постоянный кашель чукчей, больных туберкулёзом. В другой яранге, писал он, «воздух был горячим и плохо пахло, он был наполнен дымом от курительных трубок, с небольшими чашами и длинными мундштуками, пригодными только для нескольких затяжек. Когда не пили чай, курили. Всё время был слышен кашель. Когда они легли спать, то оставили лампы гореть. Вентиляции не было; кашель продолжался, и воздух становился всё хуже и хуже, так пришла ночь. Между двумя и тремя часами утра я проснулся; я спал короткими интервалами, но теперь полностью проснулся. Воздух был неопишимо ужасен. Лампы перестали гореть, и когда я зажёл спичку, света не было. Чукчи уже, видимо, проснулись, кашель был слышен беспрестанно» [20, с. 198]. Несмотря на жизнь на борту корабля, Р. Бартлетт был

интровертом и не любил толпы и небольшие помещения; здесь ему не хватало каюты капитана, которая всегда была его убежищем. Катактовик, вероятно, тоже был интровертом, хотя ему одновременно не хватало компании на борту корабля, в отличие от Р. Бартлетта. Чукчи предложили им в качестве пищи тухлое мясо моржа, пеммикан и мясо оленя и разрешили Р. Бартлетту заварить «крепкий русский чай», который так любили.

Кроме того, помимо пищи, чукчи помогли Р. Бартлетту и Катактову починить одежду и предоставили им убежище. Так, Р. Бартлетт писал: «в 11.00 в тот вечер мы все легли спать вместе на кровати-платформе: мужчины, женщины и дети; молодёжь никогда не находилась за занавесками до этого времени» [20, с.196]. Чукчи позволили Р. Бартлетту взять одну из своих собак. Они торговались на справедливой основе, предлагая посетителям столь необходимую собаку взамен на пистолет, а один мужчина вернулся, чтобы вернуть Р. Бартлетту собаку, которую тот сторговал, но она сбежала домой. Р. Бартлетт понял всю сложность ситуации, отметив, что его собственное поведение не отвечает их стандартам, но они предпочли проигнорировать это. Из дюжины чукчей к ним подошёл один, и капитан сказал: «Никогда меня не встречали в атмосфере истинного гостеприимства, и я никогда не был более благодарен за радушие. Это было, как я впоследствии узнал, истинной человечностью этих простых, добрых людей» [20, с. 192]⁸.

Р. Бартлетт был особенно поражён одной чукотской семьёй с мыса Ванкеран, с удовлетворением отметив, что человек, которого он не называет, разделил его любовь к музыке. Он «принял нас с концертом из 42 мелодий, начиная с «Мой герой» из «Шоколадного солдата»... и как истинный любитель музыки, продолжал играть, пока не закончил все свои сорок две мелодии» [20, с. 220]. Той ночью Р. Бартлетт, наконец, спокойно спал. Такого не было с тех пор, как он покинул лагерь после кораблекрушения. У чукотского любителя музыки была жена и двое «благообразных дочерей», а также сын [20, с. 218] и коллекция *London Illustrated News*, *National Geographic* и *The Literary Digest*. Р. Бартлетт отдал им ножи для снега, стальные свёрла, моток лески и ленты для дочерей. Р. Бартлетта тронули действия человека, молча отдавшего своих собак первому встречному. Он написал: «Наше лечение в добрых руках этой чукотской семьи всегда будет оставаться в моей памяти» [20, с. 221].

Даже Катактовик стал немного успокаиваться в окружении чукчей, ему удалось добыть у них муки, а иногда он приносил сообщения для Р. Бартлетта от них. Его поведение, вероятно, свидетельствовало о том, что он узнал в их культуре элементы своей. Интересно,

⁸ Только одна из групп местного населения была не рада видеть Р. Бартлетта и Катактовика, т.к. у них было недостаточно продуктов питания [3]. Однако даже они не прогнали своих гостей [3].

что Катактовик беспокоился о своём капитане и его восторженном отношении к чукчам, поэтому однажды сказал: «Вы не должны так говорить», сказал он Р. Бартлетту, одновременно опасаясь, что приютившие их люди могут обидеться и, возможно, отомстить гостям [20, с. 216]. Слова Катактовика служат одним из примеров отклонения от типичной для того времени парадигмы взаимоотношений с коренным населением.

Насколько понял Р. Бартлетт, на данной территории существовало два коренных народа: «береговые люди», которые были охотниками и использовали лодки, и оленеводы. Прибрежные люди называли себя «анквайлит», в то время как оленеводы называли себя «авулат» [29, с.178]. Как писал Р. Бартлетт: «...(Было) два вида туземцев, эскимосы с побережья и оленеводы, последние были более выносливы. Жившие по берегам выживали за счёт охоты, в основном на моржей, тюленей и медведя. Некоторые из них имели большие кожаные лодки для путешествий из посёлка в посёлок вдоль побережья. Но они не выходят на дрейфующий лёд» [20, с.196]. Как Долл в 1881 году, Р. Бартлетт начал различать дуализм, который оказался в центре внимания более поздних научных исследований [30, 31]. Долл писал о чукчах-олленеводах (Tsau'-yū-at): «Они существуют...не кочующие с оленями чукчи, а часть нации, которая зарабатывает себе на жизнь путём охоты и рыбалки» [32, с. 860]. Швейцер и Головки писали, повторяя и расширяя наблюдения Р. Бартлетта: «олленеводы Чукотки меняли свои продукты на продукцию прибрежных общин азиатских и американских берегов Берингова пролива [27, с. 51]. Торговля была действительно важна для коренных народов Сибири: «Это была не роскошь, а необходимость» [27, с. 51] для спасения от голода. Как и в большинстве случаев, обмен является ключом к пониманию коренных культур и экономик региона. Швейцер и Головки характеризуют связи этого региона как «прочные, гибкие и динамичные» с местным и глобальным влиянием [27, с. 54]⁹. Одно из центральных мест в обмене занимали Р. Бартлетт и Катактовик, путешествовавшие вдоль побережья¹⁰, их присутствие было воспринято позитивно. Они были в состоянии торговать с чукчами и дарить им подарки как формы благодарности, а также получать новости, которые направлялись в ту деревню, куда те собирались проездом.

⁹ Эти отношения будут прерваны такими событиями, как создание Советского союза и Холодная война. Согласно Швейцеру и Головки для чукчей было сложно пересекать границу и посещать соседние деревни и в 1990-х годах [27, с. 54].

¹⁰ Берингов пролив был регионом «исторически разнородным» с несколькими языковыми и культурными категориями, включая чукчей, науканских юпик и инупиатов [27, с. 50]. Однако, Швейцер и Головки [27] отмечают, что эти различия имели смысл для самих коренных народов и в отношении мест проживания их соседей. Пограничные идентичности могут быть важными только для пришлого населения, таких как Катактовик и Р. Бартлетт, которые использовали выгоду от существующих в регионе связей, пока путешествовали вдоль Сибирского побережья.

Спасение команды «Карлака»

Роберт Р. Бартлетт оставил мыс Восток и на «Германе» отправился в Оттаву. Ему удалось оправиться от тяжелых отёков в ногах, которые практически парализовали его. Позже он отплыл на американском корабле «Бэа» и 13 июля 1914 воссоединился с оставшимися в живых членами команды, когда «Бэа» встретился с «Кинг энд Уиндж», канадским кораблем, который спас их накануне [20, с. 277]. В воскресенье, 9 августа 1914, антрополог Стюарт Дженнесс написал в дневнике: «хорошая новость» [33, с. 261]. Р. Бартлетт достиг бухты Провидения (Сибирь): «все на борту — он едва мог стоять, ноги были настолько разбиты» [33, с. 261].

Рис. 6. Выжившие с «Карлака» на борту «Бэа»: капитан Р. Бартлетт — четвёртый слева (предоставлено Flanker Press)

Дженнесс кратко описал историю команды «Карлака» следующим образом: «Карлак» дрейфовал около 60 миль от побережья острова Геральд, около 65 миль от острова Врангеля в январе. Здесь он был раздавлен льдами... Он пошёл ко дну с развевающимся канадским флагом и лёд сомкнулся над ним. Мужчины сделали лагерь на острове Врангеля с запасами на 80 дней, большим количеством оружия и боеприпасов. Р. Бартлетт вместе с эскимосом из Порт-Хоуп¹¹ — Клодом Катактовиком переправился на материк... корабль «Герман» продирался через лёд в бухте Провидения, взял на борт капитана Р. Бартлетта и доставил в Ном, откуда он телеграфировал...» [33, с. 261]. В соответствии со стилем большинства полярных повествований Р. Бартлетт был центральной фигурой для Дженнесса, который упоминает Катактовика, но лишь мимоходом. Между тем, один выживший умер от огнестрельного ра-

¹¹ Дженнесс ссылается на Порт-Хоуп.

нения на острове Врангеля, а болезнь сразила двух других, в том числе Мамена, который надеялся сделать то, что удалось сделать Катактову. Интересно, как сложилась бы история, если бы Р. Бартлетт и норвежец Мамен преодолели путь через Сибирь вместе.

В 1914 году история «Карлака», несмотря на знаменательные события, происходящие в Европе, вызвала огромный интерес. В ноябре 1916 года «Нью-Йорк Таймс» опубликовала заметку Р. Бартлетта и диаграмму, показывающую движение судна, пока оно не было раздавлено полярными льдами [26]. Между тем, Р. Бартлетт, по крайней мере, выразил признательность за навыки общения и помощь, которую ему предоставил молодой инупиат. Об их расставании на мысе Восточный Р. Бартлетт написал: «Мы расстались здесь. Я поблагодарил его, сказал ему до свидания, спасибо за всё, что он сделал, и сказал ему, насколько сильно я был обязан ему за его помощь и доверие» [20, с. 240]. Почти по-отечески Р. Бартлетт добавил: «Я попросил г-на Карпендале (торговца) рассказать чукчам, каким хорошим человеком был Катактовик. Я отдал ему винтовку, которую мы пронесли с собой весь этот путь, и некоторые другие вещи, которые у нас были, а затем мы пожали друг другу руки и тепло расстались» [20, с. 240]. К тому времени Р. Бартлетт написал свою книгу о «Карлаке». Он во второй раз в своей жизни стал центральной фигурой международных новостей и остался в массовом сознании как человек, истинный герой, пример для подражания и восхищения. Скромные фигуры инупиатского подростка Клода Катактовика и чрезвычайно щедрых чукчей Сибири также вошли в историю.

Значение взаимоотношений с коренными народами Арктики

Западным интеллектуалам часто не хватает знаний, чтобы понять незападные культуры (например, коренных народов) и представить их опыт [34], понять мотивы и перспективы жизни коренных народов, которые занимаются традиционными промыслами в Арктике. Наверное, неудивительно, что исследователи редко пытались и, казалось порой, даже не пытались понять, что существовали другие аспекты. Р. Пири и Р. Бартлетт оба критически отзывались о «заклинаниях» Ахнгудлу или эскимосе, который вероятно испытывал давление властных отношений с исследователями и возможно злоупотребления ей [19, с. 2]. Анализ коренных народов крайне необходим, но существует небольшое количество письменных источников по коренным народам, особенно эпохи освоения Арктики¹².

Хотя и с точки зрения исследователя, Р. Бартлетт и его материалы открывают для нас жизнь чукчей после того, как охота на китов исчезла и прежде, чем их сообщества были ра-

¹² Книга Г. Хендрика — одно из редких исключений. Г. Хендрик был гренландским инуитом и исследователем

дикально изменены внешними силами, в частности, политикой в советское время, ставшей актуальной несколько лет спустя после событий с «Карлаком». Существуют свидетельства о торговле, заболеваемости, традиционных знаниях чукчей и их нравах, которые, как кажется, остались почти без изменений к 1914 году, по крайней мере, с точки зрения стороннего наблюдателя. Чукотская материальная культура, казалось, была главным образом коренной, но сами чукчи охотно принимали товары, ввозимые исследователями и китобоями. Мы не можем знать, считали ли они, что их открытость и помощь, вероятно, спасли жизнь двум чужестранцам и косвенно жизни части команды с «Карлака».

В нашем исследовании мы опираемся на попытку понять отношения, которые установились между «местными помощниками» (коренными жителями) и белыми мужчинами, которые, как Р. Бартлетт, часто получали международные награды. Особенно важными нам представляются аспекты искренности в этих отношениях. Взаимодействуя с местным коренным населением, Р. Бартлетт использовал язык, который отражал идеологию империализма. Он интересовался, например, вопросом заболеваемости чукчей и считал, что они «страдают туберкулёзом, как и многие другие примитивные расы после контакта и благотворного влияния цивилизации» [20, с. 186]. Тем не менее, красноречивые истории Р. Бартлетта интересны тем, что показывают, что сам капитан был в состоянии индивидуализировать отношения с коренным населением, проявлять уважение и благодарить, по крайней мере, одного представителя коренного населения — Клода Катактовика. Он не записывал имена чукчей в своих дневниках, хотя Р. Бартлетт пишет некоторые из них внизу листов, но их уже не разобрать. Бартлетт не романтизирует инупиатов или чукчей, а о *яранже* он написал: «оно пахло хуже, чем любая иглу Гренландии, в которой я когда-либо был» [11, с. 244]. Всё это вместе с привычкой консультироваться с Катактовиком и писать об этом в своём дневнике предполагает, что Р. Бартлетт не покровительствовал чукчам или инупиатам. Кроме того, он пытался воспринять модели вежливого поведения в Сибири, поблагодарил местных жителей за гостеприимство, возможно, спасшее ему жизнь. Это лишь небольшой погашенный долг перед коренными народами, которые были настолько важны для освоения Арктики и кому экспедиции стоили многого. Взаимоотношения Р. Бартлетта с коренными народами происходили одновременно с империалистическим импульсом, которому поддалась Канада и которому способствовала Арктическая экспедиция, направленная на утверждение канадского суверенитета над Арктикой, что в принципе согласуется с целями всей эпохи «открытий». История капитана Р. Бартлетта, однако, демонстрирует, что даже при таких обстоятельствах есть место подлинной человечности.

Уже прошло несколько десятилетий, как не стало Клода Катаковика. Благодаря этому молодому человеку у нас теперь есть документальный пример опытного инуупиака, который был в значительной степени ответственен за спасение оставшихся в живых участников экспедиции. Кроме того, Катаковик был истинным инуупиаком, молодым вдовцом, который должен был вступить в повторный брак — начать всё снова после полной потрясений жизни, в том числе путешествие на север от острова Врангеля в Сибири и мыс Восточный.

Литература

1. Gray, David and Sally Canadian (2013) Arctic Expedition 1913—1918: Commemorating the 100th Anniversary. Metcalfe, Ontario: Grayhound Information Services. URL: <http://canadianarcticexpedition.com/> (дата обращения: 12.07.2015).
2. Canadian Museum of History (n.d.) The Team. 1913—1918 Expedition. Gatineau, Quebec: Canadian Museum of History. URL: <http://www.historymuseum.ca/arctic/the-expedition>. Visited May 22, 2015.
3. Niven, Jennifer (2000). The Ice Master: The Doomed 1913 Voyage of the Karluk. Basingstoke, UK: Pan Books.
4. Canadian Museum of History (n.d.) The People of the CAE. 1913—1918 Expedition. Gatineau, Quebec: Canadian Museum of History. URL: <http://www.historymuseum.ca/cmhc/exhibitions/hist/cae/peo60e.shtml>. Visited May 22, 2015.
5. Smith, Linda Tuhiwai (2012) *Decolonizing Methodologies: Research and Indigenous Peoples*. London: Zed.
6. *Ottawa Evening Journal*, Dec. 11, 1913, May be 'Inside Story' in Steffanson's Plight: Why Did He 'Lose' Ship? P. 1.
7. Ikonen, Hanna-Mari, and SamuPahkonen (2003) Explorers in the Arctic: Doing Feminine Nature in a Masculine Way. In *Encountering the North: Cultural Geography, International Relations and Northern Landscapes*. F. Möller and S. Pehkonen, eds. Aldershot, Hants: Ashgate, 127—151.
8. Rosner, Victoria (2009) "Gender and Polar Studies: Mapping the Terrain," *Signs* 34, no. 3: 489—494
9. Tan, Yi-Fu (2001) Desert and Ice: Ambivalent Aesthetics. In *The Wasteland: Desert and Ice. Barren Landscapes in Photography*. Thomas Trummer, ed. Vienna: Atelier Augarten.
10. Shortis, H.F. (n.d.) Notes from a Diary and Some Recollections. Papers of H.F. Shortis. 189: 189—194.

11. Bartlett, Robert A. (2006, first pub. 1926) *The Log of Bob Bartlett*. St. John's, Newfoundland: Flanker Press.
12. Author unknown (July-Dec., 1916) Obituary: Captain Samuel Bartlett. *Geographical Journal* XLVIII, 436.
13. American Geographical Society (Nov., 1916) Obituary: Captain Samuel W. Bartlett. *Geographical Review* 2 (5): 383.
14. Hanrahan, Maura (2014) Bartlett, Robert "Bob" Abram (1875—1946). In *Antarctica and the Arctic Circle: A Geographic Encyclopedia of the Earth's Polar Regions*. Andrew J. Hund (ed.). Santa Barbara, California: ABC-CLIO, Vol. 1, 130—131.
15. United Kingdom and Ireland (1866) Master's Certificate of John Bartlett. *Masters and Matres Certificates, 1850—1927*.
16. Diebitsch-Pearry, Josephine (1893) *My Arctic Journal: A Year Among Ice-Fields and Eskimos*. New York: The Contemporary Publishing Company.
17. Wells, Rev. Roland (n.d.) "The Town of Brigus". URL: <http://www.brigus.net/wells.htm>. Visited May 22, 2015.
18. Horwood, Harold (1989, first pub. 1979) *Bartlett: The Great Explorer*. Toronto: Doubleday Canada.
19. Dick, Lyle (1995) 'Pibloktoq' (Arctic Hysteria): A Reconstruction of European-Inuit Relations. *Arctic Anthropology* 32 (2): 1—42.
20. Bartlett, Robert with Ralph T. Hale (2007, first published 1916) *The Last Voyage of the Karluk: Shipwreck and Rescue in the Arctic*. St. John's, Newfoundland: Flanker Press.
21. Stefansson, Vilhjalmur (1922). *The Friendly Arctic: The Story of Five Years in Polar Regions*. New York: Macmillan.
22. Kos'ko, M.K., B.G. Lopatin, and V.G. Ganelin (1990) Major Geological Features of the Islands of the East Siberian and Chukchi Seas and the Northern Coast of Chukotka. *Marine Geology* 93: 349—367.
23. Okakok, Leona (n.d.) *Serving the Purpose of Educaiton*. Student paper. New York: Borough of Manhattan Community College.
24. Burch, Ernest S., Jr. (1994) The Inupiat and the Christianization of Arctic Alaska. *Etudes/Inuit/Studies* 18 (1-2): 81—108.
25. Friesen, T. Max (1999) Resource structure, scalar stress, and the development of Inuit social organization. *World Archaeology* 31 (1): 21—37.

26. Bartlett, Robert A. (Nov. 19, 1916) Captain Bartlett's Story of the Karluk's Last Voyage. New York: *New York Times*.
27. Schweitzer, Peter P. and EvgeniyGolovko (1995) Traveling between Continents: The Social Organization of Interethnic Contacts across Bering Strait. *The Anthropology of East Europe Review* 13 (2): 50—55.
28. De Reuse, Willem (Spring, 1994) English Loanwords in the Native Languages of the Chukotka Peninsula. *AnthropologicalLinguistics* 36 (1): 56—68.
29. Svanborg, Ingvar (2014) Chukchi. In *Antarctica and the Arctic Circle: A Geographic Encyclopedia of the Earth's Polar Regions*. Andrew J. Hund (ed.). Santa Barbara, California: ABC-CLIO, Vol. 1, 177—181.
30. Kerttula, Anna M. (1997) Antler on the Sea: Creating and maintaining cultural group boundaries among the Chukchi, Yupik, and Newcomers of Sireniki. *Arctic Anthropology* 34 (1): 212—226.
31. Vaté, Virginie (2005) Maintaining Cohesion Through Rituals: Chukchi Herders and Hunters, a People of the Siberian Arctic. *Pastoralists and Their Neighbours in Asia and Africa. Senri Ethnological Studies* 69, 45—68. Osaka, Japan: National Museum of Ethnography.
32. Dall, W.H. (Nov., 1881) On the So-Called Chukchi and Namollo People of Eastern Siberia. *The American Naturalist* 15 (11): 857—868.
33. Jenness, Stuart Edward (2008) *Through darkening spectacles: memoirs of Diamond Jenness*. Gatineau, Quebec: Canadian Museum of Civilization.
34. Spivak, Gayatri (1988) Can the Subaltern Speak? In *Marxism and the Interpretation of Culture*. Cary Nelson and Lawrence Grossberg (eds.). Chicago: University of Chicago Press, 271—313.

Рецензент: Nyyssönen Jukka (Юкка Нюссонен),
Doctor Artium, post-doctor, Университет г. Тромсё — The Arctic University of Norway

URL: <http://canadianarcticexpedition.com/img/cae-home-banner-3.jpg>